

ВПЕРВЫЕ ПО-РУССКИ

Имя Питирима Александровича Сорокина (1889—1968) не нуждается в представлении. В мировой социологии он давно признан одним из наиболее выдающихся социологов XX столетия. Ученый в одинаковой мере принадлежит и России, и США. Он родился в деревне Турья Вологодской губернии, учился на юридическом факультете Петербургского университета, по окончании которого получил здесь звание приват-доцента, а в 1920 г. основал кафедру социологии. Не по доброй воле покинув Россию в 1922 г., Питирим Александрович стал через 8 лет первым деканом организованного им социологического факультета Гарвардского университета. Но до этого была работа в Университете штата Миннесота в качестве профессора. В течение первых двух лет, проведенных в этом университете, П.А. Сорокин написал книгу "Социальная мобильность" (на английском языке). Она увидела свет в издательстве Хартмана в 1927 г. и впоследствии неоднократно переиздавалась, считаясь фундаментальным трудом в этой области и пионерным исследованием исторической и современной динамики неравенства. Как пишет автор "Интеллектуальной биографии Питирима Сорокина" Б. Джонстон, "Большинство социологов рассуждают так, как если бы каждый институт и индивидуум были приклеены к своему месту. Профессор Сорокин переходит к противоположной крайности... доказывая, что все существует в состоянии текучести". В "Со-

циальной мобильности" выдвигается оригинальная концепция социальной стратификации, не утратившая актуальности и по сей день. Автор предлагает модель общественной структуры, основанной на представлении об иерархизированном социальном пространстве, разделенном на различные страты или слои. Индивид, пребывающий в подобном мире, через его связи с каждой из групп, находящихся в этом пространстве и определяющих таким образом его координаты в нем, может либо динамично передвигаться, постоянно меняя свое положение и социальные удобства, либо оказывается достаточно жестко прикреплен к своему месту. Обладает ли он выбором и возможностью социальной мобильности, зависит от типа общества. В динамичном, мобильном обществе такая возможность есть, а в иммобильном (т. е. строго иерархизированном) человеку сложно менять свой статус.

В отличие от некоторых глав "Социальной мобильности", переведшихся на русский язык, предлагаемый вниманию читателей отрывок выбранный нами из последней части работы, которая озаглавлена "Следствия социальной мобильности", никогда на русском не публиковался. В ней, наряду с приведенным текстом, рассматривается влияние мобильности на расовый состав общества и на сферу социальных процессов и организаций.

М.В. Соколова

П.А. Сорокин
ВЛИЯНИЕ МОБИЛЬНОСТИ
НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ
И ПСИХОЛОГИЮ

1. Поведение становится более гибким и разносторонним

Когда человек остается на протяжении всей своей жизни в одном профессиональном, экономическом и политическом статусе, его поведение неизбежно оказывается очень жестким и негибким. В ярме постоянного выполнения одной и той же работы, в одних и тех же социальных и экономических условиях тело, ум и все поведение в целом требуют определенной ригидности. Привычки становятся "второй натурой". В результате положение людей с одинаковым статусом приближается к единообразию, тогда как у людей с различным социальным статусом сильно разнится. Иная картина складывается благодаря поведению членов мобильного общества. По мере того, как они переходят от занятия к занятию, от одного экономического и политического статуса к другому, слишком стабильные (жесткие) привычки становятся помехой, поскольку вид поведения, который подходит для одной позиции, не подходит для другой. Смена статуса требует соответствующего приспособления тела, ума и реакций. Изменение экономических стандартов влечет за собой такой же результат. Поведение в мобильном обществе должно быть более разносторонним, часто меняющимся и способным к большим вариациям и модификациям. В этом отношении естественным итогом социальной

мобильности являются большее многообразие и пластичность человеческого поведения. Достаточно сравнить с этой точки зрения поведение индусов и американцев. Урожденный индеец может быть прекрасно адаптирован к выполнению своих традиционных занятий, но если он внезапно передвигается на совершенно иную позицию, он пропал. Среди американцев ежедневно мы видим успешных людей, которые почти случайно передвигаются из одного положения в другое. Факт настолько самоочевидный, что нет необходимости останавливаться на нем далее. Рассмотрим в связи с этим общим выводом следующие различия в поведении и психологии населения соответственно имmobile и мобильного обществ.

2. С увеличением мобильности проявляется тенденция к уменьшению узколобости, а также профессиональной и прочих видов идиосинкразии

Когда человек на протяжении всей своей жизни занимается одним и тем же, и обладает одинаковым экономическим и социальным статусом, его ум несомненно, оказывается отмеченным клеймом его социального положения. Хочет он того или нет, он обречен думать и смотреть на мир сквозь очки своей "социальной ячейки". Поскольку у него нет шансов попасть на другую позицию, он естественно не в состоянии понять "точку

зрения" людей, находящихся в ином положении, и приговорен оценивать и думать в терминах, которые предполагает его постоянный социальный статус. Все его добродетели и идиосинкразии отражены в его мнениях, убеждениях, идеологии, стандартах и морали. Он не может избавиться от них, не может верно уловить какую-либо отличную от собственной точку зрения. Его "уединение" внутри своей социальной ячейки удерживает его от того, чтобы овладеть гибкими и разнообразными взглядами, более широкими перспективами ума. *L'esprit de corps* становится здесь неизбежен; его пятна — наиболее ощутимыми.

Иную картину представляет ум человека, переходящего от занятия к занятию, от бедности к богатству, от подчинения к доминированию и наоборот. Подобное перемещение означает прохождение сквозь различные "социальные атмосферы", возможность дышать различным социальным воздухом, узнавать различные стандарты, привычки, мораль, идеи, обычаи и верования. Такой человек овладевает разными перспективами ума и "точками зрения". Он приобретает знания о стилях жизни в разных социальных ячейках. Психология бедного и богатого, рабочего и дантиста, подчиненного и руководителя знакомы ему через непосредственный опыт. Стоит ли удивляться тому, что его ум становится еще более пластичным и более открытым, его умственные горизонты — более широкими; идиосинкразии — менее заметными; *L'esprit de corps* — менее интенсивным? Подтверждение может быть обнаружено всюду. Если мы желаем знать характерные установки фермера, то обратимся не к тому человеку, который был фермером несколько месяцев, а к тому,

кто всю жизнь являлся фермером. С другой стороны, возьмем человека любой профессии, который занимался ею всю жизнь, — будь он зубной врач, рыбак, солдат, профессор, заводской рабочий — он обязательно продемонстрирует ограниченность, идиосинкразии и *L'esprit de corps* своего социального статуса более явно, чем человек, который прошел через несколько различных позиций. Как иллюстрацию en masse можно упомянуть рабочих немецкой фабрики, чья социал-демократическая идеология и членство были обнаружены среди "потомственных" пролетариев, которые, как и их отцы, всю жизнь были фабричными рабочими. Среди тех, кто занял эту позицию лишь временно, доля приверженцев социалистического присоединения намного ниже, чем среди неизменных пролетариев.

3. Мобильность ведет к увеличению умственного напряжения

Необходимость быть более многосторонним и иметь возможность адаптироваться к различным социальным слоям приводит к тому, что у населения мобильное общество усиливается умственное напряжение. Гораздо легче приспособить ум и тело и реакции к одному занятию или статусу, чем ко многим различным профессиям. Адаптируя себя к своему занятию всю жизнь, член иммобильного общества может выполнять свою работу и жить своей жизнью, скованный инерцией и рутинной. Ему не нужно постоянно продуцировать новые идеи и предпринимать новые усилия, чтобы приспособиться к меняющимся условиям. Член мобильного общества должен делать это непрерывно. Всякое изменение занятий или

социально-экономического статуса требует от него новых усилий и новой работы. Это увеличивает активность нервной системы и вызывает постоянное умственное напряжение. Кроме того, существует вероятность, что человек не сумеет успешно удержаться на своей позиции и может быть вытеснен с нее. Не удивительно поэтому, что жизнь в западных обществах является чрезвычайно напряженной и нервной. Живя в таком мобильном окружении, мы часто не догадываемся о присущем ему напряжению. Но выдающиеся люди, подобные Рабиндранату Тагору, привыкшие жить в иммобильном обществе, таком, как Индия, заявляют, что наше общество является сумасшедшим в его движении и пустым в своей энергичности.

4. Мобильность способствует изобретениям и открытиям

Г. Тард заметил, что изобретение — это "счастливый брак" или комбинация двух или более идей в голове изобретателя. Такой "брак" может быть намеренным, но часто бывает и делом случая. Мобильное общество дает гораздо больше возможностей для таких счастливых сочетаний, чем иммобильное. Поскольку в первом обществе люди и вещи более мобильны и изменяемы, это значит, что сами окружающие условия предлагают здесь более разнообразные и многочисленные комбинации идей, ценностей и вещей, *способствующих изобретению в умах людей*. В иммобильном обществе с его постоянными и монотонными условиями подобного побуждения к изобретениям не существует, как нет и таких благоприятных сочетаний условий, которые способствуют возникновению соответствующих идей. По

этой причине следует ожидать, что в мобильном обществе поток изобретений больше и что он должен увеличиваться с нарастанием мобильности до тех пор, пока не будет остановлен вырождением населения. Факты полностью подтверждают это положение. XIX и XX столетия в западных мобильных обществах были отмечены необыкновенным "урожаем" изобретений. Среди причин этого феномена социальная мобильность, по-видимому, являлась одной из тех, что играли важную роль.

5. Мобильность способствует нарастанию интеллектуальной жизни

Г. Тард, Э. Де-Роберти, Draghicesco и J. Izoulet, не говоря о многих других, продемонстрировали, что всякая новая идея представляет собой комбинацию различных прежних идей. Согласно их утверждениям, для такого сочетания необходим контакт разных индивидуумов с различными идеями. Следовательно, периоды, когда происходят особенно интенсивные встречи различных людей с разными культурами, отмечен взаимным оплодотворением идей, интенсификацией интеллектуальной жизни и бурным созданием новых экономических, религиозных, философских, научных, эстетических и нравственных ценностей. На основе этого обобщения логично сделать вывод, что усиление мобильности способствует интенсификации умственной жизни и созданию новых ценностей. По крайней мере на первых этапах, усиление мобильности означает интенсификацию взаимного обмена идеями, столкновения и пересечения ценностей различных слоев и разных культур, увеличение шансов взаимного обогащения умов. Вот сколько

доводов в пользу дедуктивного аргумента. Факты подтверждают это ожидание. В Древней Греции пик интеллектуальной жизни был достигнут только в период увеличения социальной мобильности и социальных потрясений (обычных и революционных). В этот период жили Геродот, Сократ, Платон, Thucydides, Софокл, Аристофан, Ксенофонт, Фидий, Аристотель, основатели стоицизма и эпикуреизма, не говоря уже о других именах. В Риме — Цицерон, Сенека, Вергилий, Эпиктет, Гораций, Лукреций, и величайшие правоведы также жили "в эпоху перемещений". В аналогичный период появилось и христианство. Конфуций и Лао-Цзы, основатели конфуцианства и даосизма, жили во времена социального беспорядка и значительной циркуляции, как и Мэн-Цзы — наиболее выдающийся последователь Конфуция. Ренессанс и Реформация снова были периодами необыкновенной мобильности в Италии и других европейских странах.

С конца XIV до XVI века наблюдалась интенсивная социальная трансформация и чрезвычайная интеллектуальная активность в Италии. Множество старых традиций, форм и институтов распалось и исчезали, чтобы открыть путь новым.

Схоластические методы были вытеснены естественными науками; в архитектуре и живописи появились такие гиганты, как Брунеллески, Донателло, Мазаччо, Микеланджело, Рафаэль, Леонардо да Винчи; в политических науках — Макиавелли, Гвиччардини; в поэзии — Ариосто; среди проповедников — Саванарола. XV век был верно назван веком приключений и бастардов.

То же можно сказать о Реформации. Поэтому странно, что до XIII в. Италия не рождала великих худож-

ников. В XIII веке увидели свет семеро; в XIV — семеро; в XV — 38 (среди них такие, как Перуджино, Ботичелли, Пинтуриччио, Леонардо да Винчи, fra Bartolomeo, Джорджони, Рафаэль, Микеланджело, Корреджио, Тициан); в XVI — 23, из которых 14 погибли в первой половине века. В XVII, XVIII и XIX столетиях — несколько живописцев, из которых никто не был очень крупным мастером.

Интересно, что периоды усиления мобильности в истории Франции также отмечены большим числом выдающихся писателей. В XIV веке больше всего писателей рождалось с 1376 по 1400 г. (ежегодно среднее число составляет 0,86 вместо 0,5, 0,78 и 0,56 первые три четверти столетия). Этот период был, как мы знаем, очень бурным; с 1358 по 1425 — Жакерия; революция в Париже, англо-французские войны, революция of the Caboshiens, их борьба с Арманьяками и т. д.

Следующий период, в который ежегодное число рождений выдающихся представителей литературы достигло высшего уровня, не имеющего аналогов, — 1591 по 1605 (ежегодное число рождений составляет 14,54 вместо 7,7—11,24 с 1561 до 1590 г.). Нам известно, что вторая половина и конец XVI века во Франции были периодом великих потрясений: религиозные войны, множество восстаний, Варфоломеевская ночь, Католическая лига и т. п. В итоге, наиболее высокое число рождений во все периоды с XIV в. до 1830 г. падает на годы с 1801 по 1815 (среднее число рождений составляет 52,1 с 1801 по 1805, и 53,72 с 1811 по 1815; затем эта цифра снижается до 43,58 с 1816 по 1820; 36,64 — с 1821 по 1825; 37,04 — с 1826 по 1830). Великая Французская революция и наполеоновские вой-

Таблица 1

Распределение 1000 американских литераторов, рожденных до 1851 года, по периоду рождения

	Период до 1701	1701-1710	1711-1720	1721-1730	1731-1740	1741-1750	1751-1760	1761-1770	1771-1780	1781-1790	1791-1800	1801-1810	1811-1820	1821-1830	1831-1840	1841-1850
Абсолютное число	6	4	3	7	8	8	18	14	34	49	103	122	178	140	169	137
На миллион населения	...	...	...	...	...	...	...	10	15	15	23	20	22	13	11	7

ны с их величайшей мобильностью, по-видимому, ответственны за подобный рекорд. Аналогичная картина в США. Период бурь и сдвигов с 1791 по 1811 г. дает наиболее высокое число выдающихся литераторов, рожденных с 1701 по 1851 г. Это видно по цифрам из таблицы.

Увеличение числа гениальных людей во время и после революций обнаруживалось неоднократно.

Глядя на число замечательных мужчин и женщин, рожденных между 700 г. н. э. и 1850 г. н. э. и изученных Дж. Мак К. Кеттеллом (J. McK. Cattell) и С. Кастлом (C.S. Castle), легко увидеть, что их было значительно больше в мобильные периоды и в периоды великих потрясений, чем во время социальной стагнации или иммобильности. Постоянные сдвиги непрерывно создают новые ситуации, которые требуют новых ответных реакций; постоянные трения и

столкновение различных идеологий дают толчок более свежим сочетаниям; эти необычные сочетания новых обстоятельств в нашей постоянно меняющейся жизни подсказывают новые идеи и интеллектуальные конструкции. Отсюда возникает необыкновенный интеллектуализм нашей эпохи, блестящий прогресс в науке и искусствах, философии и социальной мысли.

6. Мобильность способствует увеличению психических заболеваний

Мобильность не только помогает расширению взглядов, приобретению большего опыта, повышению уровня интеллекта, увеличению числа изобретений и открытий, она также способствует нарастанию многих противоположных феноменов. В первую очередь наблюдается рост психических заболеваний. Сильное умственное напряжение и многообра-

зие поведения, которые необходимы для жизни в мобильном обществе, столь изнурительны, что большинство индивидуумов не в состоянии их вынести. Их нервная система сдает под тяжестью огромного напряжения, которое от них требуется. Поэтому статистика всех западных стран фиксирует увеличение психозов и неврозов. Данные могут быть неточными, но критики этой статистики не могут предложить иную для подтверждения своих противоположных оптимистических заключений. Я думаю, что статистика психических болезней, которая демонстрирует их постоянное увеличение, по существу верно отражает реальность. В Англии на 100 тысяч населения в 1859 г. приходилось 159 пациентов с психическими болезнями; в 1908 — 360. В США на 100 тыс. населения в 1880 приходилось 81,6 с психически больных; в 1910 г. — 217,5; в 1920 г. — 220,1. Подобные данные существуют для всех европейских стран. Рост психических заболеваний — это обратная сторона интенсификации психического (умственного) напряжения внутри наших обществ.

7. Мобильность имеет тенденцию уменьшать чувствительность нервной системы

Время и терпение необходимы для того, чтобы хорошо что-то узнать. Тот, кто остается в одном месте долгое время, вероятно, знает его гораздо лучше, чем турист, который остается в этом месте на один или два дня. Кроме того, если человек знает, что должен оставаться в данном месте всю жизнь, он жизненно заинтересован в изучении окружающей среды. Турист не имеет подобной побудительной при-

чины. Он заинтересован лишь в том, насколько это место подходит для получения удовольствия. Точно в таком же положении находятся члены мобильного и мобильного обществ. Члены мобильного общества сегодня пребывают в одной должности, экономическом статусе, а завтра перемещаются в другое социальное положение, становятся кем-то вроде туристов. Они не остаются надолго в одной "социальной ячейке"; не собираются оставаться там всю жизнь, поэтому не заботятся о том, чтобы изучать окружающие условия серьезно. Зачем им нагружать себя, если они собираются переместиться? Они стараются знать свою временную "коробочку" лишь настолько, насколько это необходимо для преходящего выполнения своей функции. Мы все больше и больше приобретаем поверхностную психологию и установку туриста. Подобно ему, наши умы "широки": мы знаем все, мы видели все страны в мире, мы готовы судить обо всем. Но наша широта ума часто есть отсутствие какого бы то ни было ума, она напоминает мешок, наполненный множеством различных вещей, начиная с картошки и лука и кончая несколькими цитатами из Платона и Ленина, манерами Глории Свансон и Валентино и искаженными предложениями свежего номера "Либерти" и "The Nation". Все это перемешено самым неуместным образом и представляет собою винегрет. Прочитайте большинство современных книг. Как редко вы обнаружите в них пронизательную глубину и тщательность, которая столь явно проступает в книгах старых мастеров, живших в менее мобильных обществах. Если случайно такие книги и появляются, они никогда не становятся "бестселлерами". Не только писатели, но и читатели не

имеют времени читать столь тонкие вещи. Особенно типичны наши учебники и "хрестоматии". Они представляют собой не что иное, как модифицированные справочники для туриста. Они предлагают все, что может потребоваться на торопливом туристическом пути. Но не более того. Они столь же поверхностны, как и туристический справочник. Часто составленные из искаженных фрагментов разных авторов они являются основой всей "поверхностности" туристов и "широты взгляда" нашего поверхностного образования. Нас приводят к той же поверхностности иным путем. Благодаря разделению труда наш непосредственный опыт относительно узок. Большая часть информации получается косвенно, не от вещей, а из книг и газет. Мы — люди, которые преимущественно живут в "бумажном (книжном) окружении". Между нами и реальным миром — мир на бумаге. Мы смотрим, видим, судим то, что показывают, и так, как показывают газеты, которые мы читаем; 99,9% не видели, не прикасались, не обоняли, не переживали ничего — от большевизма, фашизма и до китайских событий — в сущности, ничего, — непосредственно. Они знают лишь то, что было сказано в газетах. Они читают в них о каких-то сенсациях, всегда поверхностных, обычно неполных и часто нелепых обрывках информации. Нужно ли удивляться тому, что мысли этих 99,9% обо всех подобных явлениях, лежащих вне их непосредственного опыта, часто поверхностны и абсурдны? Странно ли то, что многие интеллектуализированные "книго- и буквоеды" очень часто порождают теории, которые "абсурдны" для всякого, кто действительно знаком с ситуацией? Это может объяснить, почему во многих слу-

чаях обычный гражданин с улицы имеет более точное суждение о событиях, чем многие известные интеллектуалы, чьи умственные перспективы введены в заблуждение их ограничением "бумажным миром". Существует и другая черта современной западной психологии, которая также тесно связана с мобильностью. Эта черта — увеличение бесчувственности нашей нервной системы. Наша нервная система должна была бы быть полностью разрушена, если бы она была чувствительной по отношению ко всем бесчисленным явлениям, которые окружают нас в процессе нашей постоянной мобильности. Она не могла бы сохраняться физиологически, если бы не выработала нечувствительность по отношению ко многим стимулам. Они настолько многочисленны и настолько подвержены изменениям, что это вопрос необходимости — быть нечувствительным по отношению ко многим из них. На пути приспособления к окружающим условиям мы в значительной степени развили эту нечувствительность. Самоубийство или убийство, пожар, который в менее мобильном обществе вызывает огромное волнение и взрыв эмоций, не трогают нас. Мы спокойно читаем о них ежедневно безо всякого волнения. Мы проходим мимо таких явлений на улице. "Это не мое дело; пусть об этом заботятся те, кто связан с этим", — такова наша психология. Та же установка демонстрируется нами в тысячах других случаев. Наша нервная система для собственной сохранности стала менее чувствительной. Это проявляется во многих формах и, в свою очередь, порождает множество социальных феноменов. Во-первых, необходимость рекламы; во-вторых, "необходимость

сенсаций"; в-третьих, "грубейшие методы оказания влияния на умы сограждан". Ничто деликатное и бесшумное не может достичь человеческого ума в нашем шумном и подвижном окружении. Нечувствительная нервная система остается "глухой" к таким вещам. Отсюда современные рекламные объявления, стремящиеся вытянуться до небес, быть такими же зловещими, как ад, такими же шумными, как ураган, и столь же настойчивыми, как само упорство. Они не собираются влиять на вас в некотором "деликатном психологическом смысле"; нет, они являются чисто механистическими, как будто созданы не для чувствительной нервной системы, а для лишнего нервов шнурка, который следует подвергать влиянию с помощью грубейших методов. Если кто-то желает привлечь общественное внимание к чему-либо, он должен преувеличить и гиперболизировать эту вещь в необыкновенной степени и должен представить это в наиболее "выразительной" форме. Лишь таким образом можно заставить человека слушать. Может быть, это хорошо, может быть, это плохо, но одно очевидно: это вопрос необходимости в нашем подвижном, шумном и "гудящем" обществе.

8. Мобильность поддерживает скептицизм, цинизм и "misoneism"

В условиях поверхностности и величайшей целостности многочисленных и часто противоречивых теорий и идеологий мобильный характер нынешней социальной жизни способствует также скептической установке и недостатку достаточно твердой веры и убеждений. С другой стороны, она способствует интеллектуальному "misoneism"у.

Члены имобильного общества поместили в его жестких "ячейках" жизнь и осваивают, как правило, лишь определенный набор идей, мнений, верований и ценностей. У них остается немного шансов, чтобы внимательно выслушивать множество идеологий и узнавать различные мнения. Естественно, их интеллектуальный баланс определен; их убеждения тверды; их вера сильна и негибаема. Существует немного возможностей для критики и почти никаких — для ослабления одной идеологии с помощью другой.

Совершенно иной является ситуация в мобильном обществе. Горизонтально и вертикально циркулирующие индивидуумы, помещенные в поток вращения теорий и идей, учатся, слышат, читают и вдыхают воздух совершенно различных идеологий и противоположных мнений. Каждое из них подвергает критике все остальные; всякое демонстрирует слабые места всех остальных. Индивидуум, обладающий твердым убеждением, что его теория наиболее верна, сталкивается с этой критикой и подчеркиванием дефектов теории. В таких условиях чрезвычайно трудно иметь самоотверженную веру в догмат, твердое убеждение в точности теории, непоколебимую веру в истинность идеологии. Все это разрушается критикой и анализом других теорий. В результате релятивизм занимает место твердого убеждения; скептицизм — место фанатизма; неверие — место твердой веры. Мы видим все это вокруг нас. Твердые убеждения, особенно среди интеллигенции, ослабевают. Распространяется скептицизм, иногда даже цинизм. Релятивизм начинает в основном править в науке и интеллектуальных конструкциях. Он находит свое высшее выражение в теории относительности Эйнштейна.

Типичными идолами интеллигенции становятся люди, подобные Джорджу Бернарду Шоу или Анатолию Франсу, с цинизмом и высмеиванием всех и всяческих человеческих ценностей, начиная с Бога и кончая семьей и моралью. Пролетариат в огромном большинстве открыто атеистичен. Капиталисты часто демонстрируют чудесные "манипуляции" без твердых убеждений. Если сам дьявол пообещает им значительную выгоду, они готовы вступить с ним в дружеское сотрудничество. Капиталистическая торговля с советским правительством является подтверждением этой гипотезы. Они охотно торгуют даже бриллиантами, на которых видна кровь жертв. Нескончаемая критика шаг за шагом разрушает все догмы и верования, все святыни и ценности. В результате интеллектуалы превращаются в жертвы собственной критики: они становятся бессильными в действиях, гамлетами, колеблющейся толпой скептиков, не способных ни к какому дей-

ствию, поскольку они не имеют ни в чем твердого и священного убеждения. В лучшем случае они могут умело вторить импульсам рассредоточенных элементов общества или "оправдывать" претензии вышестоящих. При аналогичных мобильных условиях такое затопление скептицизмом и деструктивной критикой несколько раз случалось в истории разных народов. Такой была эра софистов в Греции, которая совпала с эпохой мобильности и которая подарила нам таких софистов, как Горгий, и таких "учеников на практике", как Тридцать тиранов. Мобильность способствует возрастанию подобного сверхинтеллектуализма. Девиз нашей эпохи таков: "Все в мире относительно, кроме абсолютного характера этого утверждения". Интеллектуалы нашей эпохи являют собой смесь Протагора, Горгия, Сократа и Монтеня. Фанатики — в меньшинстве.

*Перевод с английского
М. Соколовой*